

Виктор Бакин: *Наш разговор, Светлана, хотелось бы начать с прошедших в Вятке и в столице, в Союзе писателей, твоих творческих вечеров. Что это — некий самоотчёт, подведение определённых итогов творчества или постановка перед новым шагом вперёд?*

Светлана Сырнева: Моё выступление в Центральном доме литераторов было запланировано не мной, а советом по поэзии Союза писателей России. Когда-то поэтические вечера в ЦДЛ были популярны, но пришли другие времена, и традиция прервалась. С недавних пор Союз писателей возрождает творческие вечера поэтов, организатор и постоянный ведущий — поэт Виктор Кирюшин. Я подготовила к вечеру программу с участием Евгения Останина, автора и исполнителя песен на мои стихи. Мы назвали её «Северные песни» и показали её у себя на родине, в библиотеке имени Герцена. Опыт совместного с Останиным литературно-музыкального проекта у меня уже был — несколько лет

назад мы выступили с программой «В осенней тишине» в Кировском театре кукол. Я не воспринимаю эти события как некий новый этап. Я редко провожу творческие вечера, лишь под давлением общественности.

НА СЕВЕР

С.У.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень
из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой —
в какой-то машине — случайной,
попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда —
к стеклу запотелому локтем
прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд! Из-под чёрного полога туч,
где грозно встаёт за заставой застава,
где бурный поток, оборвавшийся
с круч,
тебя конвоирует слева и справа —

Сырнева Светлана Анатольевна — поэт, член Союза писателей России (с 1991 г.), член правления Союза писателей России. Автор книг «Ночной грузовик» (1989), «Сто стихотворений» (1994), «Страна равнин» (1998), «Сорок стихотворений» (2004), «Новые стихи» (2006), «Избранные стихи» (2008), «Белая дудка» (2010), «Ночь ледохода» (2013) и др. Стихи входят во многие антологии русской поэзии XX в. Лауреат многих литературных премий. За наследование традиций русской классики награждена юбилейной золотой медалью «К 200-летию А. С. Пушкина». Кавалер ордена Достоевского первой степени. Награждена золотой медалью «Василий Шукшин». Почётный гражданин Уржумского района Кировской области.

в вечернем тумане, в закате пугливом
железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл

над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль,

по созвездьям реклам
в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север —
туда,

где сходятся линии жизни
в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном,
немом постоянстве.

В.Б.: *Помнятся ли времена «Литбригады»?*

С.С.: Это была во всех отношениях полезная и мудрая акция — выступать перед жителями районов писательской бригадой. Сейчас, по прошествии многих лет, я убеждена в этом. Считается: выступления поэтов и прозаиков в наше время мало кому интересны. Сразу начинают вспоминать советскую практику, когда трудовые коллективы якобы силой стогнали на подобные встречи и тем самым «ущемляли свободу личности». Но вот парадокс: для большинства людей, чтобы приблизиться к культуре, нужен толчок извне. Человеку лишь тогда становится интересно, когда он хотя бы раз прикоснулся к искусству, пусть даже и не по собственному желанию. Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе. «Литбригада» выступала

прорбиться, прорваться, уйти,
убежать!

Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской
равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север!

Мы рушились вниз,
но вверх поднимались
по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветлённые дали.
И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упали.

А дальше — в симметрии рельсов
и шпал,

перед работниками заводов и фабрик, чиновниками местного самоуправления, учащимися колледжей и школьниками, перед бастующими учителями. В одном из дальних районов нас послали на стройку. Там, сказали, работают двенадцать строителей, они соберутся в местном клубе. Мы приезжаем в клуб — пусто. Ну конечно, строителей силой не загоишь. Мы стоим и размышляем, что делать дальше. И вдруг в дверь просовывает голову невзрачный мужичок:

«А что у вас такое здесь будет?» «Выступление поэтов...» Мужичок разочарованно исчезает за дверями. Ну, не придёт никто, это же ясно. Но мы для порядка ждём ещё минут пять. И только мы собрались ретироваться ни с чем, как в зал входят и рассаживаются строители. Все двенадцать! И слушали так, что муха не пролетит! Выступаем перед работницами Нолинской фабрики игрушек, прямо в цехе. Женщины не отрываются от работы, слушают нас, расписывая ярких матрёшек. Кажется, они полностью погрузились в своё занятие. И вдруг одна молодка кокетливо поднимает голову: «А про нас вы могли бы написать стихи?» И тут же кто-то на ходу сочиняет экспромт о нолинских красавицах, затмевающих очарованием любую русскую матрёшку. В цехе смех, женщины разругались от радости. Помню, выступали мы в школе деревни Кузнецы Орловского района. Приехали туда рано утром, а в учительской уже готово угощение — изумительные блины со сметаной. «Пока не поеди-

те блинков, выступать не пустим». И вот мы перед школьниками, и первое, что слышат ребята — зычный голос Алексея Смоленцева: «Какие в Кузнецах блины! Какая в Кузнецах сметана!» Мы выступали не только в райцентрах, но и в отдалённых деревнях и сёлах. Многие в то время узнали мы о жизни вятской глубинки, о горестях и радостях наших земляков. Мы видели, как люди героическими усилиями пытались сохранить населённые пункты, наладить производство, защитить от сокращения школы. Больно было видеть заброшенные поля, пустующие животноводческие фермы, опустевшие крестьянские подворья. Как на войне. Возвращаясь домой, мы под аккомпанемент гитары Александра Страузова хором пели песни военных лет. Гимном «Литбригады» стала песня из кинофильма «Щит и меч»: «Прожектор шарит осторожно по пригорку, // И ночь от этого нам кажется темней. // Который месяц не снимал я гимнастёрку, // Который месяц не растёгивал ремней...»

В.Б.: *Знаю, что ты по-прежнему тесно связана с Уржумом, избрана почётным гражданином Уржумского района. Расскажи поподробнее о корнях, о родных...*

С.С.: Я родилась в деревне Русское Тимкино Уржумского района, это родные места моего отца Анатолия Петровича Градобоева, выходца из крестьянской семьи. В 1931 году его мать, вдову с шестью детьми, раскулачили. Семья голодала, дети выжили чудом. Из семьи репрессированных и моя мама, София Алек-

сандровна Сырнева. Сырневы — потомственные служители церкви, «расстрельная» фамилия. Чтобы выжить, семья бежала в Ленинград, где родителям удалось найти работу. Во время блокады Ленинграда от голода умерли мамин отец и два её старших брата. Мою бабушку, маму и её младшего брата вывезли по Ладожскому озеру и эвакуировали в Уржумский район. К сожалению, страх преследования был велик: мои родители ничего не рассказывали о предках, а иногда и просто не знали их. Сейчас восстановить родословную трудно. Моё детство прошло в Уржумском районе, здесь же я более пяти лет работала в редакции районной газеты «Кировская искра».

В.Б.: *Всё наше поколение с детства помнит книжку «Мальчик из Уржума». Твоё отношение к земляку — Сергею Мироновичу Кирову...*

С.С.: К Сергею Мироновичу я отношусь лучше, чем многие. Безусловно, он был сыном своего времени, подчинялся партийной дисциплине. Но и в этих условиях большевистские вожди вели себя по-разному. Будучи первым секретарём Ленинградского обкома ВКП(б), Киров «приютил» в Ленинграде многих прятавшихся от репрессий. Не случайно семья моей мамы бежала в Ленинград — там уже скрывались многие родственники и знакомые. Мой дед, Александр Арсеньевич Сырнев, сумел устроиться на обувной фабрике «Скороход». Он рассказывал: Киров неоднократно приезжал на фабрику, встречался с рабочими, выслушивал их просьбы и обяза-

тельно оказывал помощь. Рабочие его любили. А дед мой только после убийства Кирова узнал его настоящую фамилию — Костриков, и оказалось: они с будущим «трибуном революции» учились в одной начальной школе в Уржуме.

В.Б.: *В одном из стихотворений, когда тебя собирались везти в больницу, ты спрашиваешь у мамы: «А я не умру?» Неужели уже в детстве ты понимала, что такое смерть, боялась смерти?*

С.С.: Стихотворение написано во взрослом возрасте на основе детских воспоминаний. Если точно, то там утверждение: «Милая мамочка, я не умру!». В контексте косвенно присутствует судьба семьи: два брата мамы умерли от голода у неё на глазах, младшему едва исполнилось 16 лет. Страх за близких, за детей навсегда остался в душе. Всё это — из нашей русской жизни в XX веке, когда для многих людей главной задачей было — просто выжить. Выжить было непросто.

В.Б.: *«Образ детства навеки...» Что же помнится из детства? Самые яркие впечатления...*

С.С.: Ярких впечатлений детства много, их невозможно перечислить. Некоторое время наша семья жила в починке Лебедевском Уржумского района, и мы часто ходили пешком в село Буйское, до которого было восемь километров. Из Буйского можно было доехать в Уржум (20 километров). В 1960-х годах автобусов было мало, часто вместо автобуса за пассажирами приходила грузовая машина со скамейками в кузове, и мы брали её «на абордаж», чтобы успеть

занять удобное место. В Буйское мы обычно ходили с мамой. Чтобы путь не казался таким длинным, мы поделили его на этапы: первый овражек, второй овражек, лес, большая лужа, кривая берёзка. Последний этап — когда мы выходили на окраину села, и вдали появлялась полуразрушенная церковь. Церковь стояла на площади, и на её куполе уже выросли молоденькие деревца. Эти впечатления и легли в основу стихотворения «Прописи». Мы жили в суровых бытовых условиях, но всё воспринималось как данность, и мы не мечтали о лучшей доле. «Не поймёт и не услышит гордый взор иноплемённый...» (Ф.И. Тютчев). Однажды в классе нам сказали: коммунизм наступит в 1980-м году. Мы с подружкой, посмотрев вокруг и поразмыслив здраво, решили — коммунизм сначала придёт в большие города и лишь потом доберётся до деревень. В любом случае было чего ждать.

ПРОПИСИ

Д. П. Ильину

Помню, осень стоит неминучая, восемь лет мне, и за руку — мама: «Наша Родина — самая лучшая и богатая самая».

В пешех далях — деревья корявые, дождь то в щёку, то в спину. И в мои сапожонки дырявые заливается глина.

Образ детства навеки — как мы входим в село на болоте. Вот и церковь с разрушенным верхом, вся в грацином помёте.

Лавка низкая керосинная на минуту укроет от ветра. «Наша Родина самая сильная, наша Родина — самая светлая».

Нас возьмёт грузовик попутный, по дороге ползущий юзом, и опустится небо мутное к нам в дощатый гремучий кузов.

И споёт во все хилые рёбра октябратский мой класс бритолобый:
«Наша Родина самая вольная, наша Родина — самая добрая».

Из чего я росла-прозревала, что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала безрассудная вера!

Ты горька, как осина, но превыше и лести, и срама — моя Родина, самая сильная и богатая самая.

В.Б.: *Первая прочитанная книга — помнится ли она? Как ты выбирала прежде и выбираешь сегодня то, что следует непременно прочесть?*

С.С.: На пятом году жизни я научилась читать, и папа купил мне первую книгу — русские народные сказки. Книга была довольно толстая. Как раз в это время в нашу деревню провели электричество, и я читала сказки, сидя на печи. Особенно запомнилась сказка «Старик и медведь», она леденила кровь. Старик в лесу отрубил медведю лапу и принёс домой, а старуха поставила чугунок в печь и стала её варить. Медведь

сделал себе липовую ногу и пошёл в деревню, приговаривая: «Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая! Все по сёлам спят, по деревням спят, одна баба не спит, моё мясо варит...» В итоге для старика и старухи всё закончилось плохо. Я до сих пор верю в правоту народных сказок. В выборе чтения я не пример для других. Но в первую очередь — классика, русская и зарубежная. Талантливые произведения современников. Ещё я люблю хорошие детективы. К сожалению, в нашем отечестве детективный жанр выглядит бледно, предпочитаю зарубежный.

В.Б.: *Какие авторы сопровождают тебя в течение всей жизни? Знакомством с кем из литераторов (или просто интересных людей) ты особенно дорожишь?*

С.С.: Я профессиональный литератор, всю жизнь со мной русские классические поэты и прозаики. Для меня они не просто авторы великих произведений, но в какой-то мере — коллеги по цеху. Например, родился Сергей Есенин — и не стал он ни финансистом, ни юристом, а всю жизнь писал стихи. Такие уж наклонности у человека, и в этом мы родственные души. Я дорожу знакомством и дружбой со многими современниками. К сожалению, большая часть из них уже покинула этот мир. Из ныне живущих мне особенно дороги профессор Литературного института, глубочайший, тонкий знаток поэзии Владимир Павлович Смирнов; наш земляк, классик русской прозы Владимир Николаевич Крупин; замечательный поэт Анатолий Григорьевич

Гребнев... Список конечно же неполный. Я встречала немало людей, которыми искренне восхищаюсь, и они для меня — пример стойкости и оптимизма. Моя школьная подруга Надя Редькина (ныне Надежда Михайловна Прокашева) росла в многодетной семье, и на ней ещё в детстве лежал груз забот о братьях и сёстрах. Потом она вырастила и воспитала четверых детей, брала на воспитание племянников, ухаживала за больными матерью и братьями, за престарелыми соседями — и при этом работала агрономом в совхозе. Сейчас заботится о внуках. На её долю выпало немало горя и невзгод, но я ни разу не видела её подавленной, сломленной несчастьями. Среди нас совсем незаметно живут люди редких духовных и нравственных качеств.

В тихом омуте я живу.

В тихом омуте — тишина.

Человек наклонит траву,
глянет в омут — не видно дна.

Молча сядет на бережок
в запыхавшихся сапогах
и не моет в воде сапог,
суеверный чувствуя страх.

Он родился и вырос здесь,
и лесной у него закон:
во чужую душу не лезь
и свою храни испокон.

Оттого между мной и им,
словно с неба упавший щит,
лист осиновый, недвижим,
всякий раз на воде лежит.

В.Б.: *Мы с тобой родились в Советском Союзе, были октябрятами, пионерами, комсомольцами... И что ни говори, много было хорошего и правильного, что сегодня безвозвратно утеряно. О чём особо жалеешь?*

С.С.: Помню, как в апреле, на день рождения Ленина, нас принимали в пионеры. Третий класс, и мы с одноклассником Толей Меркуловым должны рассказать историю Павлика Морозова. Мы постарались от души, и родители, которые при этом присутствовали, прослезились от избытка чувств. Сегодня Анатолий Николаевич Меркулов — банкир, я — малоимущий литератор, а Павлик Морозов — сомнительная фигура. Но родители всё так же рыдают на школьных утренниках. Общечеловеческое осталось. Преимущество советского строя, на мой взгляд: мы ощущали себя хозяевами «необъятной Родины своей». Это главное, что мы утратили вместе с утратой тоталитарного государства.

В.Б.: *Как ты начинала писать? Когда? Что подвигло, каким был первый толчок?*

С.С.: В первом классе мне купили блокнот, и мне нравилось в нём писать. Так я и начала сочинять стихи. Я немного сочиняла ещё до того, как научилась писать буквы. Это было моё «устное народное творчество». А когда меня научили писать, мама купила блокнот и сказала: «Чтобы весь записала своими стихами...» Впоследствии мне понравилось высказывание прозаика Василия Субботина. Как-то у него спросили: что для писателя главное? И он ответил:

«Главное для писателя — любить писать на бумаге!» Вот и я любила писать на бумаге. К сожалению, сейчас всюду компьютеры, и этот первоначальный процесс уходит в прошлое. Но я всё равно пишу на бумаге, не на компьютере.

В.Б.: *А что за история с публикацией стихов под фамилией Градобоева?*

С.С.: Когда я в школьном возрасте, в начале 70-х годов, вступила в комсомол, я стала выписывать областную молодёжную газету «Комсомольское племя». В газете регулярно появлялись публикации участников литературного клуба «Молодость», наших вятских поэтов. И я всё внимательно читала, многие стихи запоминала наизусть. Рядом с признанными поэтами в газете печатались стихи молодых фрезеровщиков, трактористов, рабочих железнодорожных путей... Страничка «Молодости» была интересной, особенно для такого человека, как я, который всю жизнь жил в деревнях и был лишён настоящей литературной среды. И когда я училась в старших классах, в большом селе, я решила послать свои стихи в клуб «Молодость», которым тогда руководила Тамара Константиновна Николаева. Долго ждала ответа. Наконец из редакции пришёл толстый пакет. Оказалось, участники клуба «Молодость» заочно обсудили мои стихи и написали на них рецензии.

В.Б.: *Рецензии разгромные?*

С.С.: Как мне тогда показалось, совершенно разгромные. Позже я поняла: это справедливая оценка. Но тогда от потрясения я три дня вокруг

себя ничего не видела. Помню, иду в школу, и у меня в голове не уроки, а одно страшное горе: моё творчество никуда не годится. Я переживала. Но для начинающего автора эта боль необходима — как прививка, её надо перетерпеть. И всё же родители меня утешали: «Ты не расстраивайся. Ты ещё совсем молодая, тебе надо учиться». Отец сказал: «Помнишь историю Джека Лондона? Его произведения тоже сначала отвергали. А потом он стал знаменит. И ты сейчас такая же, как молодой Джек Лондон — тебя никто не признаёт... Посмотри, в газете везде написано: автор — фрезеровщик завода, рабочий железнодорожных путей, доярка. Если бы ты свои стихи послала да написала, что ты, допустим, колхозница... Тогда, может быть, их бы тоже опубликовали»

В.Б.: *А ты как подписала? Ученица Света Сырнева?*

С.С.: Ну да, конечно. Я ничего не наврала, под собственной фамилией посылала... Наконец, родители уговорили меня провести эксперимент — выдать себя за другого человека. Я снова отправила стихи в клуб «Молодость», уже другие, хотя такие же графоманские, и подписалась псевдонимом — Светлана Градобоева. О себе сообщила: после окончания десяти классов работаю в Уржумском плодосовхозе разнорабочей.

В.Б.: *И результат?*

С.С.: Стихи появились на страничке клуба «Молодость» с подписью: «Светлана Градобоева, рабочая плодосовхоза». Предположения родителей оправдались, но большой

радости мне это не принесло. Поэтому я не стала больше никого обманывать — тотчас же написала письмо Тамаре Константиновне Николаевой и призналась ей: ввела всех в заблуждение.

В.Б.: *И какая последовала реакция?*

С.С.: Николаева меня, конечно, поругала: «Ну как это так?! У нас подобного никогда не было». Однако сейчас она любит вспоминать, как я путём авантюризма втёрлась в доверие. Подшучивает надо мной, но по-доброму. А тогда история завершилась тем, что меня включили в число участников областного совещания молодых литераторов. Учась в 10-м классе, я в первый раз попала на областной семинар молодых писателей. Там впервые увидела известных поэтов. Семинаром руководили Овидий Михайлович Любовиков, Маргарита Петровна Чебышева, Павел Павлович Маракулин, Леонид Владимирович Дьяконов — признанные мастера слова. Когда обсуждали мою рукопись, ко мне отнеслись лояльно — все понимали: я нахожусь в самом начале пути. Решили — пусть всё идёт своим чередом... Два года я училась в Марийском государственном университете. А на третий курс перевелась в Кировский пединститут и стала ходить в клуб «Молодость».

НОЧНОЙ ГРУЗОВИК

В ночной тишине грузовик
прогрохочет
по улице мокрой, холодной
и тёмной.

Так беспечно я верить могла,
что не будет ни боли, ни зла,
и дорога моя пролегла
в дальний дом, где достанет тепла.

И скрипели ступени крыльца,
и визжала высокая дверь.
Этой жизни не будет конца,
а другая — бессильна теперь.

Всё познавшее сердце! Молчи,
оглянувшись далеко назад.
Я заснула. Я сплю на печи.
И созвездья меня сторожат.

В.Б.: *Мне, как прозаику, неизвестно, как происходит это волшебство — рождение нового стихотворения. Как же это происходит у тебя?*

С.С.: Сама не знаю... Правда, Витя, не знаю. Ну, так же, наверное, как у прозаика... Я не думаю, что есть какая-то большая разница. Другое дело: проза — это кропотливый труд, это долгое сидение за столом...

В.Б.: *Всё равно сначала у прозаика появляется какая-то тема? А как у поэта?*

С.С.: Точно так же. Появляется какая-то тема, некий образ... У кого как. Вот у меня чаще появляется какой-то образ. И этот образ уходит куда-то в глубину и там хранится. Как я говорю себе, надо, чтобы это «повалялось». И это «валяется, валяется». А потом я вспоминаю об этом полузабытом образе и «достаю» его для работы. И тогда уже можно сидеть за столом и думать, что из этого образа сделать.

В.Б.: *Ты, когда какое-то озарение происходит, это записываешь, убира-*

ешь, или это в памяти хранится? Или всё же где-то «вещественно» лежит?

С.С.: Обычно хранится в памяти, но не просто хранится, а «валяется», то есть неким образом формируется в художественную форму. А когда я этот образ «достаю», я сразу выношу его на листок. Уже на листке смотришь — насколько это соответствует замыслу. И тогда уже начинаешь править. Или забрасываешь, не продолжаешь над этим работать... Бывает так: написал — но всё ужасно не нравится. Стихотворение лежит. Потом через какое-то время читаешь и думаешь: «Из этого можно что-то сделать...» И что-то из этого делаешь.

В.Б.: *Слушая тебя, я вспомнил Айвазовского. Плодовитый был художник. Когда задавали вопрос: «Как вы работаете?», он отвечал: «В конце работы над конкретной картиной я понимаю: эта картина мне уже не нравится. И тогда я стараюсь закончить её быстрее, чтобы начать новую. Новая мне опять поначалу нравится...» Так он работал...*

С.С.: Можно работать по-разному. Здесь главное — результат. Я не говорю: это преимущество или недостаток, нет. Это зависит от характера...

В.Б.: *Что такое вдохновение в твоём понимании? Есть оно или нужно работать, пусть тяжело и надсадно, но каждый день?*

С.С.: Бывает по-разному. Но лучше работать каждый день. Чтение чужих произведений, размышления — тоже работа писателя... Одно другому не мешает. Вдохновение —

луч озарения. А когда ты работаешь — это труд. Конечно, у поэтов внешне не такой большой труд, как у прозаиков. Прозаику нужна эрудиция — для поэта она не обязательна, мы часто обходимся интуицией. Я сколько ни пыталась писать прозу, всегда обнаруживала: чтобы писать действительно хорошую прозу, надо быть гораздо более эрудированным человеком, чем я.

В.Б.: *Может быть, всё проще: как говорил Астафьев, надо иметь чуждую задницу?*

С.С.: Это тоже существенно. При желании, если у человека есть стремление написать что-то, — он может сесть и писать. И я такие попытки делала... И мне наша русская проза — а тексты наших прозаиков я читаю гораздо чаще, чем поэтов — даёт больше впечатлений, чем поэзия.

В.Б.: *А ты выбираешь прозаиков, в чём-то близких поэтам по языку? Так, для меня ближе к поэзии проза Евгения Ивановича Носова, например...*

С.С.: Носов близок и многие другие. Поэзия и проза — только разные художественные формы. А принципы воспроизведения художественной действительности — одни и те же. И у поэзии, и у прозы. Существенной разницы нет. Поэзия — более древнее изобретение, она появилась первая. Проза — более молодой жанр. И если у человека действительно мало усидчивости — тогда пиши стихи — и больше ничего. (Смеётся)

Облетает листва уходящего года,
всё черней и мертвей полевая стерня,
и всему свой предел положила
природа —
только ты никогда не забудешь меня.

Старый скарб унесли
из пустынного дома,
и повсюду чужая царит беготня.

Изменило черты всё,
что было знакомо —
только ты никогда не забудешь меня.
Это грустный романс,

это русская повесть
из учебников старых минувшего дня.
Как в озёрах вода,
успокоилась совесть —
только ты никогда не забудешь меня.

И остаток судьбы всяк себе разливая,
мы смеёмся и пьём, никого не виня.
Я по-прежнему есть. Я поныне живая,
только ты никогда не забудешь меня.

В.Б.: *Сейчас, когда книжку издать намного проще в сравнении с советскими временами (нашёл деньги — и издавай хоть каждый день), графоманство зацвело пышным цветом? Что делать?*

С.С.: Это сложная проблема. У нас нет нормального литературного процесса, почти нет квалифицированной критики, культурный уровень общества претерпевает большие изменения. Остаётся лишь надеяться: время расставит всё по своим местам...

В.Б.: *Что ты понимаешь под «нормальным литературным процессом»?*

С.С.: Нормальный литературный процесс имеет место быть тогда, когда оценку произведению даёт профессиональный критик. У нас же профессиональной критики почти нет. Это не потому, что у нас такие плохие критики. Критик по роду деятельности привязан к периодическому изданию... Обратимся к истории. В России, когда началось развиваться журнальное дело, появилась и литературная критика. В начале XIX в. С Пушкиным и пушкинской плеядой. Начал развиваться литературный процесс, начала развиваться и критика... У нас, к сожалению, журналы сейчас маломощные, малотиражные. И критикам негде получать зарплату. Поэтому критиков остались считанные единицы. И те критики, которые всё же работают, как правило, принадлежат к определённому лагерю писателей. Они не замечают, кто и что делает в другом лагере. Получается: такой критик превозносит «своих» и ругает «чужих». Часто — в ущерб истине. К сожалению, в наши дни процветает комплементарная критика. Такая критика полезна только в одном отношении — она морально поддерживает писателя. Но хотелось бы другого — чтобы критика определяла место автора в литературном процессе, фиксировала особенность его произведений. Чтобы критика открыто называла графоманов — графоманами, чтобы не лукавила, не колебалась бы на весах политических пристрастий, интриг и тому подобного. Когда критик как фигура литературного процесса будет бо-

лее независим от таких вещей — это всем пойдёт на пользу. Тогда, наконец, человеку будет стыдно, если он издал книжку — а критика оценила её как плохую. Никто не захочет, чтобы на него указывали пальцем и говорили: графоман! А сейчас этого нет. Просто некому этим заниматься. В то же время люди с талантом литературных критиков у нас есть. Например, Алексей Смоленцев — у него превосходный талант литературного критика. И если бы у него была такая возможность, если бы это дело его кормило — зачем ему заниматься другими вещами. У нас был бы хороший, активно работающий критик.

В.Б.: *По твоему мнению, приём в Союз писателей может быть барьером? Такое ощущение: сегодня планка приёма упала низко...*

В.Б.: Я на наш Союз писателей смотрю как на явление во многом рудиментарное. Это, безусловно, инструмент советского государства, где всё централизовано... Ты же помнишь, как мы пробивались. Как непросто было тогда получить рекомендацию. Но если ты, хотя и с трудом, всё же вступил в Союз писателей, пройдя жёсткий отбор, то вместе с правом называться писателем получал право называться профессиональным писателем. Надо было, чтобы у человека несомненно был талант, чтобы он грамотно писал... Сейчас на это никто не смотрит. Сейчас важно количество рядов, численность членства. Чем больше писателей в Союзе — тем больше членских взносов, на которые можно суще-

ствовать. Это живые деньги... Увы, это особенность нашего времени. В таких условиях Союз писателей неминуемо теряет авторитет. Сегодня мы — общественная организация, кружок по интересам. И как бы ни пытались руководители Союза писателей России эту ситуацию исправить — её исправить невозможно. И если средства в помощь писателям будут выделяться — они будут выделяться прежде всего местными властями. Для того, чтобы поддержать пишущих людей, работающих на этой территории. Но не в масштабах России. Здесь ничего сделать нельзя. Авторитет писательского сообщества неминуемо размывается. Есть исключения: например, Вологодская писательская организация с крепкими традициями, где работали Астафьев, Ольга Фокина, Николай Рубцов...

В.Б.: *Коротаев...*

С.С.: И Виктор Коротаев. Ещё про Белова забыли... Василий Иванович в этом плане был человек суровый. И Астафьев тоже. В Вологде бережно хранят традиции, и у них до сих пор сохранилось правило строгого, придирчивого приёма в Союз писателей. Поэтому они до сих пор сильные. Однако чтобы такая атмосфера сохранялась, нужна критическая масса писательских авторитетов, которые её формируют и удерживают. В Вологде удерживается. А в большинстве писательских организаций происходит, конечно, сползание в серость. Я понимаю: есть насущные задачи настоящего времени, которые тоже приходится решать. Поскольку мало

помощи писателям, на первый план, наверное, выступают определённые товарищеские отношения. Чтобы люди комфортно чувствовали себя друг с другом хотя бы в писательской среде. И приходится идти на компромиссы. Когда, скажем, лидер писательского сообщества — это не авторитетная и сильная фигура, а человек, который объединяет. Или не даёт разразиться бессмысленным склокам. Ни копейки писателям не попадает — над чем тут драться? Если же говорить о нашей писательской организации, то важно, что у нас всё-таки сохраняются традиции серьёзного отношения к писательскому труду. И здесь не надо далеко ходить за фамилиями: это Ситников, Фокин, Пересторонин, Суворова... Писатели старшего поколения — а мы с тобой, согласишься, сейчас уже старшие — звание писателя ценят высоко. Потому что так воспитаны.

В.Б.: *Зачем заниматься литературой, если литература сегодня не кормит? У тебя есть этому объяснение?*

С.С.: Литература не кормит, но меньше пишущих не становится, и среди молодёжи есть значительные таланты. Это в природе человека: у одного есть талант считать деньги, у другого — сочинять и создавать произведениями новую реальность. Так было всегда и так будет... Это в природе человека. Другое дело, что человечество переживает различные периоды в развитии. Мы помним 1960-е с их поэтическим бумом — он наблюдался не только в нашей стране, а во всём мире. Гуманитарная

сфера знаний претерпевала небывалый подъём. А потом волна пошла на спад.

В.Б.: *Но в советские времена литература кормила. Не сказать, что многих, но всё же... Человек издавал книжку, получал гонорар и мог какое-то время не думать о деньгах.*

С.С.: Но книжки издавались редко. Даже у меня был такой опыт. В советское время готовилась к выходу моя книжка в московском издательстве «Современник». Мне выплатили аванс — две с половиной тысячи советских рублей. Это было в 1990-м г., когда уже начиналась страшная инфляция. Конечно, мои деньги обесценились, издательство закрылось, и сборник не вышел. Я должна была получить за него 5–6 тысяч. Витя, 6 тысяч советских рублей — немалые деньги, на них можно было какое-то время жить безбедно.

В.Б.: *При этом ты ещё начинающий писатель — гонорар рассчитывался по нижней ставке... Я тоже помню — в 1990-м в столичном издательстве «Молодая гвардия» я получил аванс за книжку «Детдомовские сороковые...» Так на этот аванс я семью свозил на месяц в Пицунду, в Дом творчества.*

С.С.: Ну, молодец... Сейчас, конечно, литература не кормит. Никого не кормит, кроме коммерческих писателей. Но и там, в коммерческой литературе, тоже всё непросто. Пока человек не вложит в рекламу большие средства — не свои, понятно, своих не бывает у писателей, а спонсора — он никому не известен. Стал известен — изволь шлёпать книжки

одну за другой, хочется тебе этого или нет. Коммерческая литература тоже кормит немногих, а в малооплачиваемое рабство люди здесь попадают часто. Я знаю писателя, который пытался заниматься такой литературой, работал по договору с одним крупным издательством. Он хороший поэт, но пишет и прозу. Он семь лет работал, как каторжный, выдавая по роману в год. И за каждый роман ему выплачивали какие-то ничтожные деньги. При этом ему говорили: «Да, сейчас ты мало получаешь, потому что тебя никто не знает. Подожди, пока мы тебя «раскрутим»... Он не выдержал, снова начал писать стихи. И вздохнул с облегчением. У человека совсем другие способности...

В.Б.: *Или он не может не писать?*

С.С.: Да, он не может не писать. Витя, согласишься, мы с тобой ещё и журналисты. Журналист легко накапливает материалы и для художественных произведений, постоянно встречается с событиями, фактами, людьми. Это и для поэтов, кстати, полезно — материал из жизни...

В.Б.: *Но вспомни: и Астафьев, и Распутин уходили из журналистики. Сбежали от неё...*

С.С.: Они могли себе это позволить в советское время. Они получали Государственные премии, немалые в денежном содержании. И это давало возможность не думать о заработках, создавать новые произведения. Конечно, на каком-то этапе жизни любой писатель замечает: журналистика мешает. И хотелось бы освободиться, полностью за-

няться творчеством. Особенно если есть замыслы. Допустим, хочется написать роман. Это трудно сочетать с журналистской работой, которая сама по себе напряжённая. И она, конечно, несколько другая.

В.Б.: Читал биографию Льва Толстого: он и сапоги научился тачать, и пчеловодством занимался, и свиней разводил. И анекдот известен: «Ваше сиятельство, плуг подан к парадному. Пахать изволите?»

С.С.: Это Толстой. Парадоксально, но он не считал себя писателем.

ШИПОВНИК

Вдоль дороги пристанища нет,
по канавам наметился лёд.
И краснеет осенний рассвет
за рекой, где шиповник растёт.

Он растёт, существует вдали,
неподвижен и сумрачно ал.
Берега им навскид поросли,
только ягод никто не собрал.

Здесь никто не ходил, не бродил,
не видать ни чужих, ни своих.
Ведь плоды не срывают с могил,
не берут их со стен крепостных.

Ржавый лист прошуршит у воды,
безнадёжно упавший к ногам.
Но краснеют на ветках плоды
по великим твоим берегам.

Мы, Россия, ещё поживём!
Не сломали нас ветер и дождь.
В запустении грозном твоём
есть ничейная, тайная мощь.
То и славно, что здесь ни следа,

то и ладно, что здесь ни тропы.
Мы ещё не ступали туда,
где стена, и плоды, и шипы.

В.Б.: Давай, Светлана, вспомним дела давно минувших дней. В начале 1980-х один из наших общих знакомых издал рукописный журнал, куда включил, помимо прочего, твои стихи и мои рассказы. Журналом заинтересовались компетентные органы. Я в то время служил в армии — и последствий на себе не почувствовал. А что было в твоей жизни?

С.С.: Это был рукописный журнал «Ноев ковчег», который выпустил Михаил Коковихин.

В.Б.: Да, «Ноев ковчег». Там было четыре автора: ты, я, Михаил Коковихин и Людмила Суворова.

С.С.: Никаких последствий, насколько я знаю, не было. Хотя Коковихин страшал нас: арестуют, посадят... Компетентные органы заинтересовались мной, но уже позднее — в конце 1985-го. К этому времени я переехала в Киров, и мы с мужем, Сергеем Уховым, стали собирать у нас на квартире молодых поэтов — Николая Голикова, Михаила Коковихина, Евгения Останина... Александр Котов предложил провести поэтический конкурс и даже выделил из личных средств премию в сто рублей. Это насторожило органы КГБ: по их мнению, мы создавали некую параллельную структуру, неподконтрольную государству.

В.Б.: Параллельную чему?

С.С.: Союзу писателей СССР и литературному объединению для начинающих авторов. Тогда серьёзно

с нами беседовали. Делали обыски на квартирах, вызывали нас в кабинеты, задавали вопросы по шесть, а то и восемь часов. С нами работали полковники КГБ, известные в своём кругу люди. У каждого из нас был куратор из числа сотрудников госбезопасности. Конечно же, мы не были диссидентами. Мы писали стихи, хотели неформально общаться. Но нам грозили санкциями. Коковихину, который ещё в студенческие годы попал в поле зрения органов, якобы даже светила статья. А я была идеологическим работником — сотрудницей газеты «Комсомольское племя» и членом КПСС. Меня предупреждали — я буду исключена из партии и потеряю работу. Но уже были горбачёвские времена. И мы написали письмо в ЦК с жалобой на неправомерные действия компетентных органов.

В.Б.: *И получили ответ?*

С.С.: Да, довольно быстро. Из ЦК в связи с этим пришли письма в наши партийные органы. Центральный Комитет рекомендовал легализовать наши неформальные встречи и взять их под контроль партии и комсомола. Так в начале 1986 г. возник литературный клуб «Верлибр».

В.Б.: *Каковы были его задачи? Сколько лет просуществовал? Выполнил ли свою миссию?*

С.С.: Никаких особых задач у нас не было. Мы были вынуждены организовать этот клуб. И меня как члена партии заставили им руководить. Клубом «Верлибр» я руководила в течение года. Мне это не нравилось. В обществе шло брожение, и

к нам начали примыкать люди, далёкие от литературы, — например, «Нефилософский кружок» Бачинина. Над нами шефствовал комсомол, нас вызывали для бесед в горком, в обком партии — давали установки, чтобы мы занимались полезным делом.

В.Б.: *Работали с молодёжью?*

С.С.: Да-да, работали с молодёжью. В это время в нашу область приезжала делегация латышских поэтов. С ними встречались наши писатели, встретился и «Верлибр». У латышей был недостаток в переводчиках, и мы взялись их переводить. Выступить с этими переводами комсомол направил нас в кафе «Вятские зори», а там 80 пивных мест. Сидят парни, пьют пиво, а мы перед ними читаем переводы латышских поэтов. В нас яблоками и помидорами кидали (смеётся). Мы тогда много выступали, ездили по районам. По нашей инициативе в 1987 г. был проведён 1-й городской фестиваль молодых поэтов, на следующий год — 1-й областной фестиваль-конкурс молодых поэтов. Следом — 2-й областной конкурс. Эти конкурсы собирали целые залы в ДК «Космос» и ДК «Родина». И на выступления «Верлибра» тоже приходило немало зрителей. Был всплеск интереса к поэзии...

В.Б.: *Сейчас в области работает много литературных объединений, так называемых ЛИТО. Это клубы по интересам или у них иная задача?*

С.С.: Больше всё же клубы по интересам. Интеллигенции нужно собираться, встречаться. И люди

встречаются — те, которые пишут. Но это, конечно, любители. Среди них профессионалов нет. И хорошо, если есть руководитель, который может считаться профессиональным литератором. Но смотреть на них как на реальный резерв, конечно, нельзя. Хотя там тоже талантливая молодёжь появляется. Но с ней надо отдельно работать.

В.Б.: *Как же отдельно работали с талантливой молодёжью в лице начинающего поэта Светланы Сырневой? Неужели ты знала всего Пушкина наизусть? «Слово о полку Игореве» наизусть? В чём заключалась подготовка «чемпионки мира по поэзии» со стороны твоего учителя Дмитрия Ильина?*

С.С.: Сейчас прочитаю «Слово»: «Не лепо ли нам, братия...» (смеётся). Ильин — это отдельный разговор. Это действительно было серьёзно.

В.Б.: *Как произошло ваше знакомство?*

С.С.: 1988 г., 1-й областной фестиваль молодёжной поэзии. Председатель жюри — известный московский поэт Николай Старшинов. Человек, который много сделал для поиска молодых талантов. Он увёз в Москву для альманаха «Поэзия» мою рукопись, предложил мне послать стихи в издательство «Современник», где готовился коллективный сборник русских поэтов. Я послала подборку, ни на что не рассчитывая. Неожиданно мне позвонила редактор этого издательства и сказала: моя подборка понравилась заместителю директора издательства, литературному критику Дмитрию Петровичу

Ильину. И он просит, чтобы я прислала ему все свои стихи...

В.Б.: *Все свои стихи — это сколько?*

С.С.: Больше ста, конечно... Но не успела я послать свои стихи, как приходит телеграмма: Дмитрий Петрович выехал в Вятку и желает встретиться, познакомиться и поговорить о дальнейших планах. Для меня это было удивительно. До этого я посылала стихи в столичные журналы, но мне их каждый раз возвращали... Ильин приехал, мы с ним встретились. Он сказал: у меня выдающиеся способности и большой потенциал поэта. Такого я, конечно, не ожидала и до того растерялась, что на обратном пути даже села не в свой троллейбус. Возвращаясь в Москву, Ильин увёз все мои стихи. А вскоре мне сообщили — во внеочередной список для издания включён и мой сборник. Это был 1989 г. Тогда Ильин сказал мне: «Я буду отдавать твои стихи в московские журналы. А ты должна... писать обязательно — да. Но необходимо восполнять образование. Ты должна многое прочитать». И оставил мне список литературы. В том числе — Пушкина знать наизусть, Боратынского наизусть, «Слово о полку Игореве» наизусть... Список длинный, а Ильин оказался прав, как я не раз убеждалась впоследствии. Поэзию надо знать наизусть. Есенин помнил «Слово о полку Игореве» от первого до последнего слова. Ильин воспитывал меня требовательно, даже жёстко. В качестве литературного критика он стал работать только в 80-е, и я была у него

единственной ученицей. А тогда было так: за критиком закрепляются определённые имена. И он ими занимается как подопечными. Ильин был требовательным человеком, не набрал учеников — его многое не удовлетворяло... Постепенно я привыкла к его жёсткому стилю. Он мог сокрушительно разругать меня: «Ты дремучая, ты только вчера слезла с дерева, ты должна слушаться меня беспрекословно!»

В.Б.: *Но у тебя же за плечами педагогический вуз, ты — учитель русского языка и литературы...*

С.С.: Я знала литературу недостаточно хорошо для профессионального писателя и совершенно не знала столичной писательской жизни. Разве только совсем немного — по рассказам наших ребят, учившихся в Литературном институте. На тот момент у меня вышла первая книжка в кассете (5 вятских авторов под одной обложкой). Ильин раскритиковал сборник: «Так, это стихотворение уничтожь и никогда больше к нему не возвращайся. И это выбрось. И это не Сырнева писала... А вот так надо писать! А так нельзя!» Горячий, эмоциональный человек, в порыве гнева он мог кричать, топтать ногами, швырять на пол рукопись.

В.Б.: *Даже так?*

С.С.: Да. Поэтому я и говорю: он вёл себя, скорее, не как литературный критик, а как спортивный тренер, как тренер чемпионки мира. Но это как раз для меня было хорошо, я ленива. Мне был нужен именно такой человек. Ильин заставлял меня работать: «Так, вот это ты прочита-

ла? Нет? Прочитай... Обязательно найди ещё такую-то публикацию... Ну-ка, что ты об этом думаешь?» Приезжая в Москву, я шла к нему домой, в квартиру на улицу Перова, и мы часами сидели на кухне за разговорами о литературе. Ильин давал мне читать и свои работы. Многие люди знали Дмитрия Петровича, но, к сожалению, никто не оставил о нём воспоминаний. Получается — это моя обязанность. Но я до сих пор ничего не написала. Я не знаю даже, как к этому подойти. Но задача такая у меня есть. В Москве, конечно, его многие знали — но все молчат. И где его наследие, в чьих оно руках? Я этого не знаю... Но со мной он работал так, как ни один человек не работал.

ТРАМВАЙ ЖИВАГО

В тридцать лет мы не знаем,
когда мы умрём,
нам не стыдно слоняться без дела.
И в зените над городом,
над пустырём
неподвижное солнце висело.

Поднебесное облачко бросило тень —
и опять безмятежна природа.
Как медлительно, сладостно
тянется день,
весь июль девяностого года!

Будут август, октябрь. И уже не шутя,
с удивленьем, с восторгом, с тоскою
ты насмотришься туч, дорогое дитя,
ты увидишь ещё не такое!

Твой зенит приходился
на самый канун,

ты обратно не сможешь вернуться —
лирик, физик, философ,
мятежный вещун,
жертва русских своих революций.

И уже погрузились
в глубокий склероз
ураганные чёрные годы.

И не всё ли равно,
кто в осколки разнёс
недопитую чашу свободы!
Ты пройдёшь, и тебя не узнают

в лицо,
ты и сам никого не узнаешь.
Как во сне, обручальное наше кольцо
на мешок овощей поменяешь.

Донным илом покрыты колонны
и львы,
перепрели перо и бумага.
Ничего не прося, не подняв головы,
ты проедешь в трамвае Живаго.

Из космических, дальних,
нездешних времён
звёздный свет, не дойдя, замирает.
И безмолвно на твой
летаргический сон
многомудрая вечность взирает.

В.Б.: Расскажи о встречах с Вадимом Кожинным, которого ты тоже считаешь одним из учителей.

С.С.: Я не могу не считать Вадима Валериановича учителем... Николаева в своё время на «Молодости» приказала: «Всем прочитайте книгу Кожинна «Как пишут стихи»! И я прочитала эту книгу, а с автором познакомилась гораздо позднее. К началу 90-х у меня было несколько публикаций в московских журналах.

Как раз тогда вышла книга «Лучшие стихи 1990 г. по мнению литературных критиков». Там представлены мнения 4 критиков, один из них — Кожин, к моему большому удивлению, выделивший мои стихи. Хотя мы с ним не были знакомы... В ответ я написала ему письмо, поблагодарила. Сказала: читала его книги. И Кожин пригласил меня в гости, домой. Шёл 1992-й г. Но сначала по приглашению Вадима Валериановича я побывала в его литературной студии на Трёхгорке: под его руководством занимались молодые и уже не очень молодые поэты. Кожин жил в центре Москвы. Мы отправились к нему вместе с мужем, Сергеем Уховым. Волновались, конечно. По дороге купили две бутылки хорошего вина. Кожин взглянул на них и сказал: «Если вы любите это пить, пейте сами, а я буду водку». Квартира Кожина меня поразила: она была переделана под библиотеку. По периметру большой комнаты стояли книжные стеллажи до потолка. (Оказывается, ещё было отдельное помещение, которое сплошь занимали книги). А посреди этой комнаты стоял стол с деревянными скамейками, где Кожин принимал гостей. Мы сели за стол, Кожин попросил жену: «Лена, принеси нам водки».

Елена Владимировна со скрытым неудовольствием вынесла бутылку. Тут же в дверях показалась старушка, вся в тёмном, и обложила нас трёхэтажным матом. «Это наша домработница, — успокоил Вадим Валерианович. — Не волнуйтесь, она всех так материт». Тогда мы не зна-

ли: родные оберегают Кожина от выпивки. Наш приход спровоцировал неприятности. С другой стороны, если Кожин решил выпить — удержать его было невозможно. Час, другой, третий прошли за разговорами. Говорил Кожин, мы слушали. Он в то время был погружён в историю России, в проблемы внешней и внутренней политики. Плавно перешли к литературе. Вадим Валерианович взял гитару и начал петь. Он хорошо исполнял русские романсы и собственные песни, положенные на стихи классиков и современников. Прозвучала и его песня на стихи Владимира Соколова, которые поэт посвятил Кожину: «У сигареты сиреневый пепел. // С другом я пил, а как будто и не пил... // Пил я девятого мая с Вадимом, // неосторожным и необходимым». Внезапно он остановился и произнёс: «Вы, Светлана, могли бы стать большим поэтом, если сумеете соединить своё дарование с сильным лирическим женским началом». «Вадим Валерианович, — осторожно ответила я, — не могу Вам этого обещать, не хочу обманывать. Ведь я не Байрон, я другой...» Мне показалось: мой ответ обидел Кожина: я уже заметила — он не любит, когда ему противоречат. Он снова взял гитару и запел. В двенадцатом часу ночи мы с мужем переглянулись: не слишком ли мы злоупотребляем вниманием мэтра? Пора и честь знать! Мы извинились и стали собираться домой. И снова не угадали: Кожин по его давней привычке собирался петь нам всю ночь. Наш несвоевременный уход огорчил его и раздосадо-

вал. У меня было такое впечатление, что Вадим Валерианович обиделся на меня на всю оставшуюся жизнь. Но через некоторое время, уже в Кирове, я получила от него посылку с книгами: это были сборники его студийцев, и Кожин просил меня дать оценку их стихам. В ответ я написала подробное письмо. В следующий раз мы встретились через 2 года — на моём творческом вечере в ЦДЛ. Вадим Валерианович рано ушёл из жизни. Тогда, в начале 90-х, он был в хорошей физической форме. Ничто не указывало на его нездоровье. Сухощавый, подтянутый, он ходил по Москве быстрой походкой, легко перепрыгивал через лужи. Тогда ему было 60 с небольшим.

В.Б.: *Ещё про одного человека попрошу тебя рассказать. Николай Старшинов... Насколько памятно это знакомство?*

С.С.: Очень памятно. Впервые я увидела Николая Константиновича на Кировском областном фестивале молодых поэтов в 1988 г., он был председателем жюри конкурса. После этого знакомства он дружелюбно ко мне относился, включил в состав Всесоюзного совещания молодых писателей (1989 г.). Многих молодых поэтов Старшинов, как говорится, «вытащил» из провинции, помог опубликоваться в Москве, нашёл для них точку опоры в столичных журналах. Он помог и мне — направил в издательство «Современник». Он посоветовал: «Отправь стихи в журнал «Наш современник». К тому времени я уже не раз посылала туда рукописи, и всё безрезультатно.

В.Б.: *А он не предлагал сопроводить по дороге или ещё что-то?*

С.С.: Старшинов напечатал мою подборку в альманахе «Поэзия» с доброжелательным предисловием поэта Владимира Кострова. Так началось наше сотрудничество с Николаем Константиновичем, началась переписка. Старшинов был замечательный поэт и человек удивительной силы духа. В 90-е, когда тиражи журналов стали падать, а издательства — закрываться, когда писательское сообщество было разобщено и деморализовано, Старшинов собирал поэтов под крыло, как после кораблекрушения. Меня он поражал: несколько не утратил энергии, всё время оставался деятельным и жизнелюбивым. В те годы он организовал журнал «Куликово поле», пригласил меня в актив издания. Потом, когда не стало денег на журнал, он с фронтовым товарищем Глебом Паншиным стал выпускать альманах «Поле Куликово», где я тоже участвовала. За год до смерти Николая Константиновича я встретила с ним в Москве на каком-то выступлении. Мы отошли в сторону, он достал маленькую фляжку: «Давай с тобой по чуть-чуть выпьем. Мне врачи уже запретили. Но мы по напёрсточку...»

В.Б.: *Коньяк?*

С.С.: Ну, коньяк или, может быть, самогонка, настоящая на чём-то. Что-то такое вкусное. Мы выпили по напёрсточку, и он говорит: «У меня для тебя есть заказ — для нашего альманаха напиши стихотворение с названием «Поле Куликово». Я согласилась. Вернулась домой и стала

думать: поле Куликово, место великой битвы... Об этом уже так много писали! И я написала об обыкновенном колхозном поле. Через год Николая Константиновича не стало, но стихотворение было опубликовано ещё при его жизни. Впоследствии я посвятила его светлой памяти Николая Старшинова. Я должна была стихотворение ему посвятить, и эти стихи больше всего подходили к его цельному характеру, к его сильной личности.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

*Светлой памяти
Николая Старшинова*

Сожалеть об утраченном поздно.
И куда за подмогой пойдёшь?
На единственном поле колхозном,
как положено, вызрела рожь.

Еле слышен, развеян по воле
гул мотора — гляди и гадай:
может, это последнее поле,
может, это последний комбайн!

Весь в пыли, не растерян несколько,
и откуда сыскался таков —
без обеда работает Колька,
без подмены трубит Куликов.

Ветер сушит усталые очи,
на семь вёрст по округе — сорняк.
К ночи Колька работу закончит.
Так задумал. И сделает так!

И, достав из кармана чекушку,
чтоб победу отметить слегка,
машинально пойдёт на опушку,
на поляну родного леска.

Как отрадно зелёному лесу
охватить его влагою тут!
И грибы ему в ноги ползут,
ему ягоды в руки пойдут.

Солнца луч предзакатный
и длинный
намекнёт, где присесть не спеша.
Набери на закуску малины,
Колька, Колька, родная душа!

Передряги твои позабыты,
жив как есть, хоть и вовсе один.
Выше горечи, выше обиды
несмолкающий шелест вершин.

Спи под сводами древнего шума,
здесь не сможет никто помешать.
И не думай, веки не думай,
Для чего надо жить и дышать.

В.Б.: *Как-то ты обмолвилась — «Противостояние Марса» и «Пропи- си» тоже написаны «по заказу»...*

С.С.: Я думаю, Витя, ты хорошо помнишь советское время, когда поэтические сборники выходили с так называемыми «паровозами» в начале книжки. Даже редактор всегда спрашивал: «Так, где у тебя “паровозы”»? «Паровозы» — это обязательные патриотические, гражданские стихи. А у меня их было мало, и на это мне часто пеняли. Вот так я и написала «Пропи си» — по заказу издательств.

В.Б.: *Это для какой книжки?*

С.С.: Не для конкретной книжки — для подборок. Впервые оно опубликовано в кировском альманахе «Встречи». Я много раз посылала его в составе подборок по столич-

ным журналам, но тогда его не воспринимали. Оно стало популярным уже в 90-е, после крушения Советского Союза. Стихотворение «Противостояние Марса» мне посоветовал написать муж Сергей. Противостояние Марса наблюдается, когда эта планета подходит на максимально близкое расстояние к Земле. Если не ошибаюсь, такое было осенью 2002 г. Мы с мужем были на даче, он разбудил меня ночью, вывел на улицу, показал Марс: «Надеюсь, ты напишешь об этом стихи». Тема противостояния Марса — классическая, традиционная, начиная с поэтов древности. Одноимённое стихотворение есть и у Николая Заболоцкого. Ну, вот и я некоторым образом приложила руку к этой теме.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Над чёрной пропастью пруда,
над тёмным лесом и над степью
встаёт кровавая звезда
во всём своём великолепье.

Она царит, в сердца неся
и восхищенье, и усталость,
и перед ней природа вся
ушла во тьму и тихо сжалась.

И всякий маленький листок
молчал, и птица затаилась.
И каждый тихо изнемог,
ещё не зная, что случилось.

Звезда! Ничтожны пред тобой
мои поля, мои дубравы,
когда ты луч бросаешь свой
для развлечения и забавы.

И подойдя, что ближе нет,
как злобный дух на голос выпит,
ты льёшь на нас разящий свет,
который днём из нас же выпит.

И мы молчим из нашей тьмы,
подняв растерянные лица —
затем, что не умеем мы
противостать, оборониться.

Мы тихо сжались, чтоб пришли
разруха, войны и неволи
и обескровленной Земли
сухая судорога боли.

Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за лёгкой славой:
не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.

Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.

В.Б.: *Какие свои стихотворения ты считаешь наиболее удачными, определяющими твоё творчество, в определённой степени — знаковыми?*

С.С.: Некоторые свои стихи я люблю. Например, мне нравится стихотворение «Зимняя свадьба», я считаю его знаковым. Так же как и стихотворение «Побег поэта». Порой говорят, что в каких-то произведениях шифруется личный авторский код. Наверное, он и у меня зашифрован.

В.Б.: *Так где же твой авторский код зашифрован? Где можно прочесть стихотворение и понять — это Светлана Сырнева?*

С.С.: Ну, пусть в этом разбираются читатели, если захотят. Не буду ничего подсказывать.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Полночь. Деревня. Темно.
Стужа — вздохнуть нелегко!
Треснет в проулке бревно —
гул полетит далеко.
Роща навек замерла,
к небу вершины воздев.
Жучка — и та, как стрела,
с улицы мчится во хлев.

Где-то мерцает огонь,
резво скрипят ворота.
Там самовар и гармонь,
белая чья-то фата.

В эту морозную стынь
любо мне свадьбу кутить,
мимо бездвижных твердынь
лихо на тройке катить.

Стой ты, дворец ледяной,
мраморный замок любви!
Песней да пляской хмельной
брызнут паркетки твои.

Эх, погуляй, слобода,
но не кичися судьбой:
русского снега и льда
в рай не захватишь с собой!

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

Из невозвратных краёв
немо смотреть с высоты

на белоснежный покров,
на ледяные цветы.

Некому будет спросить:
чем ты, душа, смущена?
И не успела остыть
Вровень с бессмертьем она.

В.Б.: Расскажи о сотрудничестве с журналом «Наш современник», членом редколлегии которого ты была продолжительное время.

С.С.: Я была членом общественного совета, а не редколлегии. В общественный совет входят авторитетные писатели, учёные, деятели культуры и искусства. Я числилась в составе общественного совета почти два десятка лет. В «Наш современник» я попала с подачи Кожина, а также Ильина — он некоторое время работал там первым заместителем главного редактора.

В.Б.: А чем занимался общественный совет? Его задачи? Вы как-то собирались, обсуждали рукописи?

С.С.: Мне не приходилось реально работать. Я числилась там лишь номинально. Думаю, что некоторые члены общественного совета могут влиять на политику журнала — но не всё.

В.Б.: Это москвичи, которые живут рядом?

С.С.: В первую очередь, да.

В.Б.: А провинция?

С.С.: Я из провинции. На политику журнала я влиять не могла. Несколько раз пыталась порекомендовать главному редактору Станиславу Юрьевичу Куняеву какие-то произведения вятских авторов, но это не увенчалось успехом. С Куняевым

у нас были хорошие отношения — мы всегда как друзья встречались на столичных мероприятиях. Надо признать, как редактор он был расторопен, много сделал для журнала. Конечно, в его руководстве есть и минусы, которые тоже бросаются в глаза.

В.Б.: Хотелось бы поговорить о последнем съезде Союза писателей, о выборе нового председателя. Знаю, это время было непростое для тебя, твоё имя вспоминали с самой высокой трибуны... Расскажи об этом.

С.С.: Что я могу рассказать? Я делегатом съезда не была, но как член правления Союза писателей России должна была присутствовать на пленуме, состоящем перед съездом. Я не поехала на этот пленум, доверив голос поэтессе Надежде Мирошниченко, с которой мы обычно голосуем солидарно. Но Надя — человек эмоциональный, импульсивный, она и начала говорить обо мне со сцены. Драматическая коллизия съезда, конечно, заключалась в выборах председателя правления СПР. Задолго до съезда была выдвинута кандидатура Николая Фёдоровича Иванова, и я обещала её поддержать. А потом вдруг оказалось: на этот пост претендует Станислав Юрьевич Куняев. Его доверенные лица попросили меня поддержать редактора «Нашего современника», но я отказалась: я уже обещала выступить в поддержку Иванова. А Станислав Юрьевич расценил это как предательство по отношению к нему. Я знаю его характер и не удивилась, когда он устроил мне разнос в подведомственных ему

изданиях, выгнал из общественного совета НС и объявил: я больше не буду печататься в его журнале. Я не вижу в этом никакой трагедии. Такое положение вещей меня вполне устраивает.

В.Б.: *Светлана, как ты живёшь в последние годы? Чем занимаешься? Ты десять лет жизни отдала государственной и муниципальной службе. Работала на низких должностях. Не считаешь это время потерянным?*

С.С.: Я не считаю это время потерянным. Это давало мне возможность зарабатывать на жизнь. Я познакомилась со сферой государственного и муниципального управления, которая раньше была для меня неизвестна. Здесь работают незаурядные люди, специалисты управления, прирождённые руководители. Сейчас я на пенсии, но подрабатываю в удалённом порядке на журналистском проекте, занимающимся историей госкорпорации «Росатом». Редактирую воспоминания ветеранов ядерной отрасли. Ну, а летом у меня дом в деревне — сад, огород, лес...

В.Б.: *«Настоящий писатель одинок — независимо от числа поклонников...» — это твои слова. Расшифруй.*

С.С.: Да, я такое говорила. Ничего другого не могу придумать и сейчас... У нас такая профессия — мы в одиночестве создаём произведения. И самостоятельность любого писателя определяется степенью его одиночества. Что такое одиночество? Непохожесть на других. Самостоятельная ниша — в литературе, в жизни.

В.Б.: *Пишется ли тебе? Лев Николаевич Толстой заметил: «Без*

волнения наше писательское дело не идёт...» Что сегодня тебя волнует?

С.С.: Точно не знаю, что меня волнует... У меня нет прямой взаимосвязи между волнениями и «конечным продуктом», если так можно назвать стихи. Всё, конечно, отражается, но как-то опосредовано... Что меня волнует сегодня — я не знаю. Наверное, многое должно бы волновать. Но я стараюсь не волноваться. Витя, понимаешь, я за лето одичала, я же в деревне живу. *(Смеемся оба!)*

В.Б.: *И вопрос напоследок, Светлана. «Наша Родина — самая лучшая и богатая самая»?*

С.С.: Самая лучшая! И богатая самая! Можно не подвергать сомнению: Россия — одна из самых богатых стран в мире. Другое дело, насколько эти богатства обеспечивают нашу социальную стабильность. Стихотворение «Прописи» построено на контрасте между убогостью существования и декларируемыми вещами, которые на самом деле были правдой... Стихотворение идёт через детское восприятие. Ребёнок не подвергает сомнению вещи, сказанные учителем, взрослыми. И прописи, которые на тетради — «Наша Родина самая лучшая!» — оказываются истиной. Россия во всех отношениях — территориально, по природному, по научному и техническому потенциалу, по интеллектуальному потенциалу — страна сильная. Хотелось бы, чтобы это богатство служило всем людям. Но даже если этого нет, всё равно необходима вера человека в свою страну. Эта вера помогает жить.

Подготовил **Виктор Бакин**